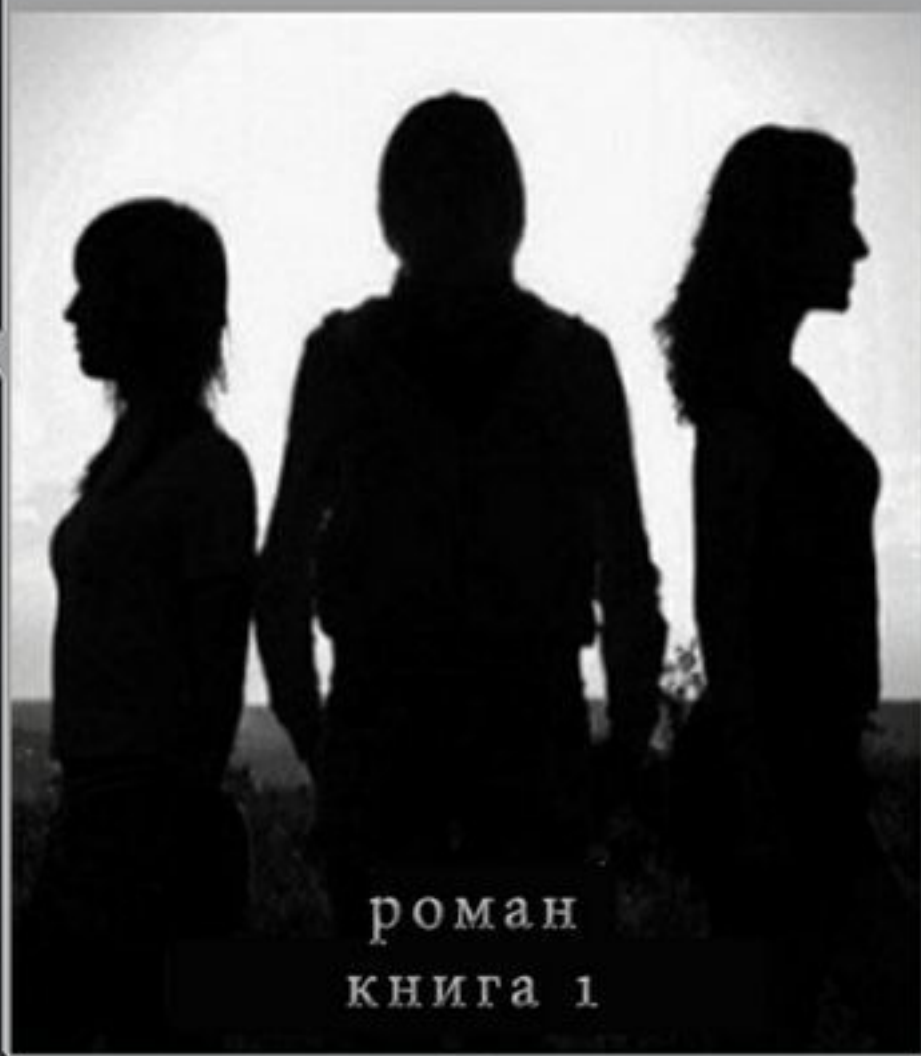

Елена Поддубская

Такая роковая любовь

роман
книга 1

Елена Поддубская

**Такая роковая любовь.
Роман. Книга 1**

«Издательские решения»

2015

Поддубская Е.

Такая роковая любовь. Роман. Книга 1 / Е. Поддубская —
«Издательские решения», 2015

Первая книга повествует о конце 80-х-начале 90-х годов прошлого века. Действие происходит в России. Перестройка страны вынуждает к переделке её народа.. Кто-то при этом выходит из игры с честью, другим приходится бежать от трудностей за рубеж, третьим – приспособиться к безликой безрадостной жизни. Дух деревни, кажущейся сначала на фоне столицы неумытой и безграмотной, проявляется, в результате, как основное богатство и государства, и общества.

© Поддубская Е., 2015

© Издательские решения, 2015

Содержание

Глава первая: Август 1989 года. Возвращение в деревню	6
Глава вторая: Знакомство с Ларисой	18
Глава третья: Подготовка к вечеру	23
Глава четвёртая: Смотрины	31
Конец ознакомительного фрагмента.	32

Такая роковая любовь
Роман. Книга 1
Елена Поддубская

*Жизнь как карта стелется:
Кому бубновый туз и масть,
Кому казённый дом и пасть,
А кому колокола
И по смерти похвала...*

© Елена Поддубская, 2015

© Александр Васильевич Надобных, дизайн обложки, 2015

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero.ru

Глава первая: Август 1989 года. Возвращение в деревню

Лето одна тысяча девятьсот восемьдесят девятого года в средней полосе России выдалось неровным. В июне, привычном дождями и относительной прохладой, термометры стали зашкаливать за тридцатиградусную отметку. Влажность одолевала. Дышалось тяжело. Молодые ещё в эту пору листочки лип скукожились, берёзовые свернулись в трубочки, травы стали буреть, полевые цветы не источали больше по утрам свой пьянящий запах, а полдни на равнинах накрывало маревом: липким, прибитым к земле. Ничего хорошего такая погода не обещала. И действительно, в июле, когда начались массовые отпуска, зарядили те самые, не пролившиеся месяцем ранее, летние ливни: тёплые и короткие, но при этом частые, по несколько раз за день. Это било по нервам. Мешало отдыху на природе. И, наконец, август – самый долгожданный по количеству жарких дней, не успев начаться, впал в такой зной, что заранее иссушил надежды всех на плавный переход к следующему времени года. Как предупреждала метеослужба, осень должна была начаться строго по календарю: с сентября, с похолоданиями и дождями.

Поэтому, используя любую возможность, люди оккупировали водоёмы, выставляя на показ всё накопившееся желание загореть, подышать и поплескаться. Из городов уезжали подальше.

В деревне Серебрянка Калужской области, едва насчитывавшей в любое другое время года пару сотен жителей, число наехавших туристов значительно дополнило суеты в размеренную сельскую жизнь. Недавно открытый Дом отдыха с видом на речку привлекал внимание горожан тишиной мест и исключительной возможностью приобщиться к природе за умеренные деньги.

– Токо беда нам с этими москвичами, – жаловалась на данное событие одна из жительниц деревни Надежда Кравцова, в замужестве Белородько, – То в речке топнут. То угорят на солнце до обморока. То грибов всяких поганых наедятся. А намедни перепились и драку с нашими мужиками устроили: место на реке не поделили где рыбу удить. Беда, да и токо, – жаловалась Надежда, рассыпая акценты, как привыкла, на свой лад.

Она вела разговор с младшим братом Николаем, приехавшим в деревню из той же самой столицы. Родившись в Серебрянке, Николай никогда не хотел жить в деревне. Сызмальства его привлекала другая жизнь – городская, к которой он стремился и которую теперь имел. Окончив в Москве Бауманское училище, брат нашел там работу в строительной компании и жил в рабочем общежитии. В деревню за все годы учёбы навещался лишь во время летних каникул. Приезжал ненадолго и больше для того, чтобы отъесться, отоспаться и после вновь броситься в пучину городского водоворота.

По деревне Николай никогда не скучал. Разве что только по родным: отцу с матерью да вот по сестре Надежде. Она, несмотря на разницу меж ними всего-то в три года, с самого детства казалась брату намного старше своих лет. Вот и теперь, глядя со стороны, Николай отмечал в двадцативосьмилетней Надюхе те качества, какими не обладали её одногодки-горожанки: дородность, какую-то особую природную добротность и естественность, воплощенные в её добродушном лице молодой женщины. Мягкая во всём, от суждений до походки, Надюха приковывала взгляд многих мужиков своей статью и чисто русской красотой, такой, о какой писалось и пелось. Её голову венчала тяжёлая коса, закрученная по моде низко на затылке, со множеством шпилек. Некоторые из них были украшены пластмассовыми ландышами, отчего голова сестры казалась Николаю весенним полем. Милое лицо открывалось правильностью линий: полным овалом подбородка и щёк, выраженным разрезом глаз, точённостью носа с такими же,

как у брата, тонкими ноздрями, миловидной растянутостью сочных губ. Сочетание русых волос, светло-карих глаз и поразительной белизны кожи, не осквернённой ни единым пятнышком, разве только что проступавшими сезонными веснушками, светлыми и редкими, придавали лицу ту редкую уникальность, что может встретиться только в таких, как эта деревня, потерянных уголках Руси. А налитость молодого деревенского тела была сродни спелому плоду, притягивающему сочностью и предвкушаемой сладостью. Но, совершенно не зная в чем её истинное достоинство, Надюха свои физические роскошества в ход не пускала. Воспитана девушка была скромно, по-деревенски. Рано привыкшая к труду, она, не в пример брату, всю свою жизнь связывала только с деревней. Именно здесь жила и работала на молочной ферме. Здесь же рано вышла замуж за агронома соседнего совхоза, и, обзаведясь семьей и тремя детьми, продолжала любить только этот уголок на Земле, бывший её настоящей и единственной Родиной.

– Не возьму я никак в ум, Коляня, как можь ты жить в этой угорелой Москве!? – продолжила Надюха разговор с братом и, заметив его усмешку, подтолкнула в бок, – Чё гогочешь?

– Ты, Надюха, точь-в-точь на мамку нашу похожа становишься.

Николай говорил ласково и не без грусти.

– Почему это?

– Говоришь как мамка. И внешне – вся в неё. Даже вон родинка та же. Николай глядел теперь на сестру ещё и с нескрываемой нежностью.

– Правда? – засмушалась Надюха, прикасаясь пальцами к небольшой висячей родинке на скуле, ближе к уху.

– Угу.

– А вот ты, Коляня, и на маму не похож, и от батяни в тебе сосем мало, – тут же заметила сестра, всё еще краснея от пристального взгляда брата. Даже он, тот которого она помнила бесштаным, теперь, став мужиком, смущал, – И домой ты после их смерти сосем приезжать перестал.

В голосе старшей сестры были грусть и укор.

– Времени у меня нету, Надюха, – приобнял её Николай. – Ты ведь не представляешь, что такое жизнь в Москве.

– Не представляю, – согласилась Надежда, послушно принякая к брату. Даже при относительно высоком росте в метр семьдесят два сантиметра, она легко уместилась у него под рукой.

Надежде шумная Москва, где она и бывала-то всего только раз девчонкой, показалась потоком сумасшедших людей. Они неслись, как растревоженный улей, и не совсем понимали для чего живут. Никто никому не принадлежал. Никто никому был не нужен. До смерти напуганная размерами города и опасностью потеряться в нем, в дальнейшем Надежда отказывалась от поездок в столицу. Сейчас она охотно верила усталости брата. Не за тем ли скрывалась его общая разочарованность жизнью?

– Коляня, а чё ты там живешь в Ма-аскве своей? – на деревенский манер растянула и разала Надежда название города.

– А где же мне жить, Надюха? – открыто поразился Николай.

– Как где? Вот ту-та жа. Дом родительский третий год стоит без жильцов. Перехал бы сюда да зажил. И тебе проще была бы, и мне не надо была бы присматривать за ним.

– Не, Надюха, мне из Москвы не гоже уезжать. Я уже там привык.

– Так ведь сам говоришь худо там?

– Когда это я говорил что худо?

Николай силился вспомнить:

– Сёдни говорил, кода Иван тебя в Калуге встречал. Ваня так с порога и сказал напрямую, что худо, мол, тебе в столице, истосковался ты по деревне.

– Ах ты вот о чем! – вспомнил Николай, – Да не, Надюха, это я просто так сказал: с поезда. А в Москве мне не худо. Она, знаешь, какая красивая – Москва! – произнес он с нескрываемым восхищением.

– Так ты, значись, по нам сосем не скучашь?

– Скажешь тоже, глупая! Как это не «скучашь»? Скучашь, еще как скучашь. Если б не скучал, разве бы я приехал?

– Так то по делу, – не совсем поверила Надежда.

– Не по делу, а из чести, – уточнил Николай. Он развернулся и встал перед сестрой, как перед официальным лицом, – Приехал, чтобы просить вашего с Иваном благословения. С невестой познакомить. Да вот в месте отцовом побыть.

Он указал на дом.

Они стояли на просторном невысоком крыльце. Дождавшись пока взгляд сестры сменился с ревниво-обиженного на умиленный, Кравцов упёрся руками в перила передней перегородки. Прямо перед ними был большой двор, обнесённый со всех сторон плотным забором. Ставленный когда-то отцом, забор не успел ещё, за то время, что родителя не стало, ни обветшать, ни даже полинять от дождей. Ушедшие почти в один год, родители были теперь захоронены в одной могиле на деревенском кладбище за церковью.

Похоронив родителей три года назад, Николай опять вернулся в Москву. Надежда же осталась жить в соседней деревне в доме мужа, присматривая за родительской хатой и время от времени наводя там порядок. И всё время мечтала о том, чтобы младший брат вернулся издалека и поселился здесь же, в доме. Но Николай после похорон отца приезжал в Серебрянку только раз: на годовщину его смерти. Побыл пару дней, поставил оградку на могилке родителей, и с тех пор больше в родные края не навещался. А теперь вот прислал телеграмму и приехал. Надюха, прочтя текст, по первости-то сначала обрадовалась, думала насовсем Коляня едет. А оказалось, что обманулась: братик вёз на знакомство будущую жену.

«Что ж, тоже надо. Спасибо, что не забыл», – благодарно улыбнулась Надежда своим мыслям и вновь крепко прижалась к брату. Она всегда знала, что оказывается любила его до беспомысленности, и что все эти годы разлуки ей его сильно не хватало.

– Спасибо тебе, Надюха, за дом. Что смотришь за ним, – продолжил разговор Николай глубоким вздохом.

– Тю! Так, поди, и мне он не чужой, дом-то: батька с маткой здесь жили, нас растили.

Надежда, дивнувшись похвале, отпряла от брата, внимательно оглядывая.

Только теперь она заметила, как посреди высокого лба Николая наметилась поперечная складочка, которая со временем точно углубится в морщину, что разделит лоб на две части. И тёмных кругов под глазами, пока слегка заметных, но уже непроходящих, вечных, залегших, тоже Надежда с утра при встрече не углядела. А теперь вот обратила внимание и задумалась: «Отчего это в столь молодом и сильном на вид мужике, как их Николай, проглядываются такие почти что аристократические признаки хилости и утомлённости?».

И, всматриваясь получше, уже сомневалась Надежда её ли это кровь? Тот ли брат, всегда казавшийся человеком уверенным и знающим жизнь? Не от того ли эти губы под пышными усами так сжаты, что хотят сказать что-то, да не могут? Не потому ли столь беспокоен и растерян взгляд, что не знает в какую сторону смотреть? И сам этот человек, такой знакомый и родной, не кажется ли ей чужим, от того, что пообтёрся он на чужбине, пообтрепался, поднабрал в себя других, незнакомых нравов и порядков, а теперь вот, при возвращении, никак не желает вписываться в местные рамки, и даже взглядом своим выражает недопонимание и непримирение?

«Нет, изменился Коля, изменился. Сосем другой стал», – расстроилась Надежда, а вслух спросила.

– Ты, Коляня, сколь времени жить собираешься в доме-то?

Не упустив из вида пристальное рассматривание сестры, Николай вновь тяжело вздохнул и полез в задний карман джинсов за сигаретами.

– Да поживу, – ответил он неопределённо, снова осматриваясь, – Наличники вот на окнах поправить надо. Крышу проверить: может где перестлать придется. Баню обсмотреть; кажись обшить заново понадобится.

– Понадобится, – радостно подхватила Надежда. Заботы брата о доме вновь вернули ей надежду. – В бане-то мы давненько не бывали. У нас в Калинках и душ, и туалет. Хотя, все одно, ничто бани не заменит, пара ейного, – добавила она, подумав. Пошарив в кармане сарафана, Надежда вытащила конфету и предложила брату. Он со смехом приподнял сигарету.

Надежда развернула ириску, стала жевать.

– А обшить и Иван собирался. Предбанник ведь сосем никуда не годный, выстывает зимой вмиг. И печку надо бы перебрать, расширить: тяга хорошая, но пригорат. Да каменьев маловато, греть дюже долго. Особо ежели с ребятишками моесся, – объяснила она со знанием, разглаживая на перилах фантик с золотым ключиком.

– Значит – расширим, – Николай сладко затянулся, – Ты ничего, что я курю? – отмахнул он дым, – А то я отойду.

– Да ладно, стой уж. Чего? – разрешила Надежда, – Иван мой ведь тоже смолит, как окаянный. Я его вечно зимой в сенца гоняю, чёб детям лехкие не засорил едкостью табачной. Да ещё чёб Егорку не сманивал гадостью этой.

– Егорке-то твоему рановато, поди, про курево думать, – засомневался Николай.

– Ага, рановато: чай, десятый годок пошел Егорке-то.

– Я и говорю: рановато.

– Ой, Коляня, не прикидывайся ты агнецом, – вскинула руками Надежда, – Сам с Володькой Окуньком во сколь лет баловаться начал, кода пацаном был? Не помнишь? Как мамка у тебя из карманов штанов махорку впервые вытряхнула и полотенцем потом по двору гоняла, не помнишь?

– Так мне сколь годов-то было? Уже верно поболее.

Николай силился вспомнить. А Надежда тут же вставила:

– Девять.

Николай на втяге даже замер, до того не поверил сестре:

– Не может быть?!

– Вот те и «не может быть»! Говорю – девять. Я здорово это запомнила. Потому, как в тот год дед Семён умер, и бабы голосили, что Окунёк сосем малой, и десяти ещё нет.

– Точно, – вспомнил теперь и Николай и протяжно выдохнул струю дыма. Затем затянулся опять, помолчал чуток и вновь вспомнил. – Махорку-то мы с Вовкой у деда Семёна как раз и таскали. А потом, когда он умер, бабка Маруся Вовке махорку сама покупала. В Калуге. И украдкой от матери давала. Чтoб бычки не подбирал.

Воспоминания о детстве затронули в Николае ту болезненную струну, что давно уже была в нём натянута, а в последнее время так особенно. После смерти родителей словно что-то в мыслях пошатнулось. Николай хорошо помнил, как вернулся в Москву после похорон отца, сел в общежитской комнате на кровать и, впервые с момента ухода родных, заплакал. Всё время, что он был в деревне на похоронах, и после на поминках, Николай не проронил ни слезинки. А тут неожиданно вдруг залился неостановимым безутешным потоком, омывая память горячими слезами. До боли было обидно, что всё, что случилось, случилось когда его не было рядом. Не на его глазах умирала мать: он приехал уже когда она была в забытии и никого не узнавала, оттого и проститься с ней толком не получилось. Надежда плакала за поминальным столом, что на то была материнская воля: не хотела она верить, что скоро век её закончится, всё надеялась на встречу с сыном при добром здравии, как поправится. А вот ведь вышло так, что как определили причину её головных болей, и не встала больше с кровати.

Головой-то она маяться начала ещё смолоду, оттого и лечиться с возрастом отказывалась. Всё отмахивалась за нехваткой времени, всё лекарства «проверенные» глотала. А уж как болеть стало до помутнения в глазах да до потери сознания, тут-то и повезли её Надежда с Иваном в Калугу. Везли с верой, что излечат. А врачи посмотрели на снимки, энцефалограмму сделали и сразу объявили, что жить матери осталось недолго. У неё был обширный рак головного мозга. Матери ничего про обещания врачей не говорили. Да она ничего и не спрашивала. Без опросов догадывалась, что дела её плохи. И, как ни упрашивали её отец с Надеждой сообщить о болезни Николаю, всё не соглашалась.

– Без меня вы за меня решили, – больно упрекнул родных Николай, когда приехал.

– Боялась она, что ты в Москву её повезёшь. А она из дому до последнего никуда ехать не хотела, – простонал отец.

Николай его понял: и отцу не хотелось с матерью расставаться ни на миг, и больше упрекать не стал. Потом, после отъезда из деревни, уже в Москве, нередко вспоминал Кравцов-младший, как после похорон матери долго засиживались они с отцом вечерами, вели речи о будущей жизни. Николай всё ещё удивлялся почему отец про себя ничего не говорит, в силе ведь ещё был: только за пятьдесят ему перевалило, а о жизни наперёд думать не хотел. И всё только за судьбу сына тревожился.

– Надюха она что? Она – баба. Добрый человек замуж позвал, она и пошла. Теперь вот при семье, при муже, при деле. А ты у нас и по сей день не пристроен. Как жизнь-то складывать собираешься, Коляня? – не раз пытал его отец за те дни.

Да вот только ответа путного так и не дождался. Говорил ему тогда Николай, что жизни в Москве рад и учёбе рад. Объяснял, что после училища устроится на стройку, деньги будет иметь неплохие, в очередь на жильё встанет. Все, в общем, на первый взгляд у него было, как надо. А отец всё вздыхал да кряхтел, словно и недоволен был. И только лишь в последний день, перед самым отъездом Николая в Москву, проговорился:

– Мог бы, поди, и у нас поближе где попростоять. Чай в Калуге-то тоже строить есть чего.

– А чем тебе, батя, Москва не нравится? – не дошел сын до обиды родителя.

– Далеко уж больно. Всякий раз не наездишься, – коротко ответил отец и замолчал надолго.

– Батя, я обязательно скоро приеду вас навестить, – пообещал Николай перед тем, как сесть в Калуге в поезд.

И уехал, полный уверенности в том, что сказал. И даже не подозревал, насколько выйдет всё иначе.

Мама умерла в мае. Потом были государственные экзамены в училище. Потом Николай подрядился на летние отряды, на которых можно было неплохо подзаработать. После лета ему предложили работать при том самом СМУ, где он был на практике; значит опять нельзя было отпрашиваться в отпуск...

Отцу и Надежде Николай отписал всё, как есть, и пообещал быть на Новый год. Но, незадолго до Нового года, на работе разыгрывали лотерею и неожиданно её победителем объявили Николая. Главным призом была поездка в Сочи во время Новогодних праздников.

Выходило, опять не получается поехать в деревню: хотелось посмотреть какой он этот юг, какое оно это море. Из Сочи Николай послал в Серебрянку открытку с видами местных любований и с пожеланиями о скорой встрече. Но по возвращении в Москву Кравцов вновь окунулся в тот вихрь столичной жизни, при котором не то что дни, месяцы кажутся лишь короткими промежутками времени.

И всё-таки, Николай собирался к своим. По весне да по теплу и собирался. А ехать пришлось зимой, в самую стужу. Отец скончался скоропостижно, от обширного инфаркта миокарда, оставив Николаю на всю оставшуюся жизнь его вину в неисполнении данного обещания. И с отцом все тяготы легли на плечи Надежды. Это тоже мучило Кравцова. Ведь это

сестра видела, как, пока мог, ходил отец к матери на могилку и носил ей цветы. Ведь это у неё каждый раз сердце кровью обливалось при входе в отцовский дом, где батя на всех стенках поразвесил фотографии матери. Он даже рядом с иконкой поставил её маленькую карточку, и молился на угол, и разговаривал через бога с ушедшей женой. Наконец, ведь это не сыну сообщил о предчувствии своей скорой кончины отец, а опять же Надюхе. Позвав её как-то зимним вечером, отец наказал дочери в чем его хоронить и с какого боку от матери положить, чтоб, как и при жизни, лежали они рядом в привычном порядке: он слева от неё, она справа от него. Всего этого Николай не видел, не чувствовал, не переживал. Он в это время был далеко от родных, занятый своими делами, которые считал великими и перспективными, и которые теперь, после смерти родителей, утратили и важность свою, и даже надобность.

И все три года, что прожил Кравцов в Москве после того, как осиротел, глодала его изнутри совесть и грызла тоска по невозможности уже ничего ни исправить, ни поменять. Словно одним махом вышибли у него из-под ног опору, и теперь он находился в состоянии свободного падения между небом и землёй, не находя в себе сил ни взлететь как надо, ни приземлиться куда хотелось бы.

Да и не знал Кравцов толком куда ему теперь хочется. Возвращение в деревню грозило еще большими угрызениями совести и углодами тоски. К тому же здесь, кроме сестры, не ощущал он никаких корней. Были тут, конечно же, и друзья детства: тот же Вовка Окунёк, Мишка Зуев, давно уже вставшие на ноги и работавшие при совхозном Правлении один электриком, другой – начальником механической колонны. Были знакомые с детства соседи, их дети, их внуки. Стояли родные и до боли знакомые здания школы, Правления, клуба, магазина. Неизменно текла речка Серебрянка, шумели леса вдаль от деревни, где детьми собирали грибы-ягоды. Была, в целом и общем, вся эта его земля тем, что называют малой Родиной, и откуда черпает человек силы свои, а оставшись без которой, никак не может найти себя, и оттого мечется неугомный в поисках своего места и всего смысла жизни.

Три года на доходило до Кравцова в чем его счастье. А теперь вот, приехав в деревню к родным да затянувшись на знакомом с детства крылечке сигаретным дымком, мгновенно понял Николай, что вот она, та самая улада, что может и сердце успокоить, и душу излечить. И весь он внутренне обрадовался тому самому блаженству, хоть и граничащему с болью по прошлому, но всё-таки блаженству, что посетило его несколькими минутами ранее, когда отмыкал он тяжелый запор нежилого родительского дома. И оттого, что дом этот был не просто родительским, а родным, знакомым каждой треснувшей балкой на потолке, каждой выскобленной добела еловой доской на полу, и именно поэтому милее всех на Земле, замер Николай на пороге от подошедшего ощущения целостности самопонимания. А на глазах его выступили слёзы радости и умиления, какими всегда сопровождается возвращение к себе, нахождение себя.

– Баню сделаю, а потом и за дом возьмусь, – коротко пообещал Николай сестре, ещё пуще вглядывавшейся в его молчание.

– Так в доме тут делов-то, поди, до конца лета не управиться?

– А мне теперь, Надюха, торопиться некуда. С работы всё равно не сегодня, так завтра уволят.

Надежда округлила глаза:

– Как так?

– А так. Время сейчас такое, всех увольняют.

– Увольняют? А как же говорят «перестройка»? – В голосе Надежды, сквозь сомнение и тревогу, проскальзывали легко уловимые радостные нотки. Николай посмотрел на неё с удивлением, но ответил с горечью:

– Перестройка, Надя, скажу, это сомнительно даже тем, кому есть что перестраивать. А такому брату как я – голому, да босому, как семьдесят лет назад, так и теперь нечего терять.

Кроме собственных цепей, – попытался он закончить невольно тронутую тему заученной фразой из учебника. – И вообще, сестрица, у меня такое впечатление складывается, что весь мир пошёл в разлёт. В столице неспокойно. Народ всю настроен на развал страны нашей. А при этом до строительства дело ещё не скоро дойдет.

– А как же ты жить будешь, Колян? Жениться вот надумал? – Сестра сетовала, не вникая в проблемы общегосударственного масштаба.

– А это тут при чем? Жениться собрался, да. Только ведь свадьба дальнейшему счастью не помеха. Приедет вот сегодня Лариса, посмотрит на наши красоты и, может, уговорю я её остаться жить здесь. А? Что скажешь на это, Надюха?

Теперь Николай говорил озорно, словно подтрунивал над сестрой, словно его и самого забавляли подобные мысли.

– Не, не поедет сюда твоя ма-асквичка, – решительно отказала Надежда в возможности пошутить на столь основательные темы, – Рази какая захочет после квартиры в дом без удобств переехать?

– Так удобства мы проведем; было бы желание, – сложностей Николаю сейчас не хотелось, думалось, что отныне всё под силу.

Надежда помолчала, осуждая его кураж, а затем вдруг неожиданно призналась:

– Не, Колян, не поедет. Я бы тоже не поехала.

– Вот-те на! – удивление Кравцова выскочило на вдохе, отчего он закашлялся в руку, – Ты же сама всё время говорила, что тебе ничего, кроме Серебрянки, не надо. А теперь вот по Москве вздыхать надумала?

Говоря с перерывами, Николай посмотрел на сестру подозрительно. Надежда принялась стучать ему кулаком по спине, помогая откашляться:

– Я – это одно дело. Я ничего другого не знаю. А вот кабы я городской была, так ни за чё бы не поехала сюда к нам. Это сейчас в деревне хорошо: тепло, земля пахнет, плодит, родит; любая тварь жизни радуется. Потому как лето на дворе. Токо ты, наверное, уже забыл как у нас бывает тоскливо с осени по апрель. Сидишь дома, смотришь по телевизору как люди в городах ходят в кино, на дискотеки, в театры, как там всё на улицах светится и жизнь вертится волчком, а ты тут киснешь в своей квашне.

– Во глупая! На дискотеку ей захотелось! – басанул Николай, наконец-то успокоив кашель и засмеявшись, подтрунивая, – Надюха, ты же там от дыма угоришь. Вы, вон, здесь-то с бабами ворчите, когда в Доме отдыха городские танцующие устраивают: всё вам громко да мешает. Всё вам пошло от городских пахнет, да смотреть на их наряды вычурные противно. Или скажешь нет?

– Может и скажу. А может и нет, – застигнутая врасплох подобными расспросами брата, Надежда покраснела до корней волос. Хотя с чего бы? Брат-то родной. Но объяснилась без хитростей, – Мне вон Иван два года как платье из шёлка подарил, а одеть его всё некогда и некуда. А в Москве бы я его надела!

Женщина спрятала глаза, словно призналась в чём-то постыдном. Её родинка зашевелилась, так как заходили на скулах от волнения желваки.

Николай посмотрел на сестру взглядом полным понимания и в то же время сочувствия. Он узнал в ней самого себя несколькими годами ранее. Вот и он, также как сейчас Надюха, стремился когда-то к красотам городской жизни. Вот и он с самого детства мечтал ходить по гладко вымощенным улицам в красивых костюмах. Ходить да так, чтобы и лак на ботинках блестел. А не утопать в вечной деревенской грязи. Вот и ему не терпелось раньше избавиться от осевшего, прилипшего, как пыль, тягучего деревенского акцента, отдававшего в беседе чем-то второсортным, недоделанным. Да, стремился, хотел, желал. Покорить столицу, а с ней и весь мир, который открывался его ребяческому воображению, как только ступил он на Московскую землю. А прошло несколько лет, и все стремления как прах развеялись. И оказалось, что поко-

рять нечего: громадина всего мироздания никогда и никому не будет доступной, хоть лбом ты бейся. Оказалось, что незачем было так торопиться жить красиво и беззаботно, ибо нет её – беззаботности. Нигде нет, а в городе так, пожалуй, её и вовсе быть не может. Ни к чему было и дремучести своей стесняться, потому, как выяснилось, именно в российской глубинке и хранится-то вся сила русская. Вся её неисчерпанная кладезь красоты, богатства и культуры в ней, в деревне – акающей, как у них под Калугой, или окающей, как где-то на Волге, а не в городе, лишь красоты, да богатства к рукам прибирающем, а истинного ухода не дающем. Показной осталась на поверку столичная жизнь. На всемирное обозрение выставленной и оттого уже искусственной. А естество-то оно вот оно где живо – в родной деревне, в том самом распевном говорке, что приятно ласкал теперь слух, а не резал, как некогда. Ласкал так, что самому хотелось повторить, и ударения ставить, где получится. Дошло это до Кравцова. Только сейчас вот и дошло. Отчего он и радовался, и огорчался одновременно. Огорчался, так как хотелось бы ему сейчас чтобы произошло это ранее, когда были ещё при жизни родители. А радовался, что всё-таки дожил до светлого момента собственного созревания, которое, как ведомо, каждому в разном возрасте предписано: кому с самого детства приходит, а кому и до старости ждать – не дожидаться.

И, глядя на зашедшуюся в мечтах сестру, хотел было рассказать ей Николай про свои мысли, да не стал, пожелал ей самой во всем разобраться. А ещё может потому не стал, что понял: Надюха-то их надёжно на земле сидит. И даже реальной возможностью переехать в ту же самую Москву её с места не сорвешь. А разговоры все эти о тряпках, о красотах – всего лишь в чём-то нереализованные мечты. Те заветные мысли, которых сама она пугается, и которые ни за что не возьмётся осуществлять. Мало ли кто о каком прянике мечтает, а меж тем жуёт только хлеб насущный, и этим и жив, и счастлив.

– Ладно, Надюха, – обратился он к сестре после долгих мыслей, – пора-то нам, поди, и за дело приниматься. Чай, не за тем привез нас сюда Иван, чтобы разговоры говорить: дом надо к вечеру прибрать.

– Надо! – тут же засуетилась Надежда и закрутилась в водовороте хозяйских дел, для чего нашла в сенцах и ведро, и щётки для пола, а на веранде в бочке набрала для уборки воды.

Вечером им предстояло встретить в Калуге Николаеву невесту Ларису. Смотрины были назначены на завтра. Но ещё сегодня нужно было оповестить приглашённых. Их было немного. Всё те же друзья детства Вовка Окунёк и Мишка Зуев, отъявленные холостяки, несмотря на неоднократные попытки жениться. Соседка родителей и их ровесница тётка Настасья, жившая одиноко издавна, надёжно привязавшаяся к семье Кравцовых и бывшая им всем как родная. Подруга Надежды Вера Латыпова со своей семьёй: мужем Фёдором и двумя ребятами возраста сёстриных пацанов. Да сама Надежда со своими домочадцами: Иваном и, шедшими по старшинству, Егоркой девяти лет, Максимом – шести и младшенькой четырёхлетней Катюшкой. Для деревенских смотрин столь малочисленная компания была непривычной. Но Николай давно уже не жил в деревне, потому созывать всю её по приезду не собирался. Да и праздника-то, как такового, не намечалось. Чисто семейное мероприятие Кравцовы единодушно решили отметить в кругу самых-самых близких.

– Вот ежели свадьбу здесь справлять будешь, то тогда уже не отвертишься, – хитро прищурился свояк Иван, соглашаясь накануне с доводами родственников, – А сейчас можно посидеть и без лишней кутерьмы. А про то, что это смотрины, никому балаболить не надо. Слышь, ты, Надюха? Скажи своей Верке, что, мол, просто Николай зовёт, давно не виделись и всё. А то ведь у нас как? На одном конце деревни корова ещё не успела замычать, а на другом уже другая подхватила. Только объяви чё праздник какой – сами припрут; люди у нас не гордые для таких дел.

Иван слыл хозяином толковым и бережливым. Родился он в соседней с Серебрянкой деревне Калинки. Родом происходил из хохляцких кровей, откуда и фамилию носил Бело-

родько. Невысокий, сухопарый, был он смолоду подтянутым и крепким. Таких всегда называли жилистыми. Особой красотой Иван не отличался: широкий овал его лица был укорочен мелким подбородком, отчего крупной фигой свисал над губами кажущийся большим мясистый нос с широко раздутыми ноздрями. Нос ещё потому приковывал к себе внимание, что глазки Белородько были маленькими. Светло-карие и плотно усаженные ресницами, глаза, создавалось впечатление, едва-едва пробивались наружу. Такими же мохнатыми и прямыми были широкие брови. Их разлет придавал Ивану уверенный вид. Как, впрочем, и его живой, хваткий взгляд: при улыбке искрящийся, а в гневе свербящий насквозь, не хуже дрели. Полный портрет этого человека дополняла речь. Выговариваемая чистым зычным полу-басом с таким же, как у всех деревенских, акцентом, но с суждениями поразительно чёткими и ясно выраженными, она сразу отделяла Белородько от толпы.

Надежду Иван пленил именно своей серьёзностью и обстоятельностью. А ещё – неимоверной силищей, когда во время шумных летних деревенских гуляний с пьяной головы мог, легко поднатужившись, и бычка приподнять. Но, кроме силы и вопреки поговорке в которой коли она есть, то ума уже и не надо, был Иван ещё и головастый. Также, как и жена, Иван не представлял себе никакой другой жизни, кроме как на земле. Для этого выучился на агронома в Калужском сельскохозяйственном Институте и работал теперь в районе. Он был на хорошем счету и у совхозного начальства, и у районного. Да и выше его знали: то и дело в областной газете появлялись хвалебные статьи. Обзаведясь семьей, построил Белородько себе в Калинках дом и жил там как положено: обзавёлся добрым хозяйством, состоявшим из двух коров, четырёх свиней, домашних пернатых в виде кур, уток, гусей и даже индюков. Огород развёл. В доме всё обустроил по требованиям современности, с комфортом и удобствами, а не так, чтобы до нужного места в лютый холод средь ночи на улицу выскакивать. Одним из первых в свою деревню центральный водопровод востребовал, а потом и отопление. Единственным, после председателя совхоза, дома телефон имел. И даже личный «Жигулёнок» себе по государственной цене вытребовал для того, чтобы в нерабочее время можно было ездить куда приспичит по семейным делам. Многие жители Калинок, преимущественно старики, кряхтели при виде Ивана, поругивая его за новшества. Молодежь же, наоборот, признательна была такому агроному, что не только полевыми делами в деревне ведал, но и в быту на помощь руководству совхоза приходил.

– От Белородько в Калинках весь прогресс, – заявлял неоднократно на собраниях деревенской общины первый секретарь комсомола области, – Если бы не он, вы до сих пор ездили бы по земляным узкоколейкам. А бабы стирали бы в реке. Не забывайте, что благодаря ему в вашу деревню кабель телефонный протянули и теплоцентраль. Красота! Теперь в зиму сиди под батареей и грейся!

Хватким, одним словом, был Иван хозяйственником, уважаемым. Несмотря на то, что ему едва только перевалило за тридцать, любой из селян: и ругавший, и хваливший, завидев на улице приветливо ему кланялся да здравия желал. А уж про то, что этого кряжистого коротышку когда-то по молодости дразнили всяко: кто «белоредькой», кто «многогородькой», так и вовсе не вспоминали. А при надобности произносили фамилию Ивана ровно, четко, на едином дыхании, как и положено звать людей почитаемых.

Хорошим, получается, был Иван селянином, работником, начальником. А семьянином так и вовсе замечательным, до беспамятства в жену и детишек влюблённым. А то, что требовательный был да на людях на ласки скупой, так то для деревни считалось нормальным. Деревня все эти сопли и сюсюканья на дух не выносила.

«Мужик в семье должен быть хозяином», – любовалась зятем тёща. Надежда и сама мужем гордилась, оттого и жила с ним по-доброму, угодить во всём старалась, деток аж троих нарожала, не задумываясь, что при современной жизни женщине и двоих часто много. В деревне, к тому же, к работе по дому всегда находилось что справить на дворе и в огороде.

Опять же, скотина требовала ухода. Да еще на ферму совхозную нужно было бегать, удой с коров принимать. На сепаратор переправлять что положено. Но работы Надежда не боялась. А потому всё у них в семье было по уму, всё как надо. И дети росли самостоятельными, в меру прилежными, послушными.

«Если бы еще и Коляня, вправду, домой возвратился, так и вовсе было бы здорово», – скрытно улыбалась про жизнь Надежда, прибирая в доме, да то и дело поглядывая на брата. Тот с головой ушёл в работу и радостно покрякивал от простоты деревенского труда.

Первым делом они вычистили печь и, несмотря на летний зной, решили протопить её, чтобы проверить дымоход. Набрав под навесом около сарая поленьев, пиленых и сложенных туда ещё отцом, Николай с нескрываемым удовольствием принялся разводить огонь. Скоро печь задымила, затрещала так громко, что пришлось прикрыть дышло заслонкой.

– Это она, родимая, радуется возвращению хозяев, – глядя на огонь проговорила Надежда, – Печь, она ведь тоже живая.

Николай поглядел на неё с усмешкой.

– Не зырся, – слегка обиделась Надежда и даже махнула на брата рукой, – В своём доме все предметы живые, духом хозяев пропитанные.

Она говорила совершенно серьёзно, как если бы доказывала, что дважды два – четыре. И опять Николай поверил ей, как безоговорочно верит ребенок словам мудрого взрослого. Отойдя от печи, он бегло оглядел большую комнату. В зале, служившем во всех деревенских домах и кухней и столовой, мебель вся была деревянной. Срубил её один и тот же деревенский мастер – Никита Ежов, по прозвищу «ёжик-пыжик». Посреди комнаты стоял массивный дубовый стол, длинный, сколоченный грубо, но прочно, и очерченный с двух сторон лавками. Лак на нём местами поблек, но был цел. Вспомнив про что-то, Николай вдруг наклонился к одной из ножек и присмотрелся к ней. Затем, довольный, выпрямился.

– Слышь, Надюха, а буквы-то мои, что я пацаном ножичком здесь вырезал, не затёрлись, – он указал на две корявые загогулины, похожие на печатные «к» и «н».

– А чё им сдеется?

Надежда тоже присела к ножке. Когда-то за попорченное дерево мать отвесила Николаю подзатыльник. А отец, придя домой с депо, даже прошелся по мягкому месту сына ремнём.

– Помню я, как отец меня тогда отходил, – подтвердил сейчас Николай сестре этот факт, – Но только потом он матери ночью с гордостью хвастал, что я писать научился. И спрашивал сильно ли она меня побила. А когда мать сказала что только подзатыльник отвесила, он вздохнул и запретил ей наперёд руками меня трогать. Он тогда так и сказал: « Потому как рука матери предназначена токо для того, чтобы ребёнка ласкать.»

– Да ну? – Надежде странно было это слушать по прошествии стольких лет.

– Почему «да ну»? Ты своих детей бьёшь? – спросил он, заранее зная ответ. Надежда аж задохнулась:

– Рехнулся что ли!?

– А кричишь на них?

Надежда, по характеру ласковая и нежная мать, даже руками всплеснула:

– Да ты что?! За что на них кричать? Они у меня хорошие.

Николай приподнял указательный палец, утверждая:

– О. Это потому, что сами вы с Иваном хорошие, – и он ласково посмотрел на Надежду. Она снова покраснела до корней, а Кравцов рассмеялся, – А у меня, Надюха, этот ножичек до сих пор постоянно со мной.

Чтобы сестра не сомневалась, он открыл привезённую с собой спортивную сумку и достал из внутреннего кармана маленький перочинный ножик с лезвием из нержавеющей стали.

– Это тебе дядя Вася подарил, я помню, – Надежда осторожно погладила перламутровую костяную рукоятку ножа.

Дядя Вася был их соседом по дому, мужем тётки Настасьи. Они ещё несколько минут повспоминали бывшего крёстного Николая, умершего от гангрены, развившейся на фоне сахарного диабета, и вновь принялись за уборку. Аккуратно, чтобы не попортить лак, ножом отскребли грязь со стола, застелили его скатертью, наградили вазой. Забыв к соседке предупредить насчёт «завтрева», Надежда нарвала у неё на огороде диких гвоздик, росших у той как бурьян. Полюбовавшись уютом, засожалела, что нет к нему на потолке люстры. Старую отец незадолго до смерти разбил, а новую купить всё ему не удавалось. Так и дожил свой век при одной лампочке в патроне над столом.

– Эх, надо было мне заранее вспомнить об этом. Гостья едет из столицы, а у нас, как в глухом захолустье. – заметно было, что Надежда переживает.

– Ничего, перебьётся, – успокоил брат, – Лариса всего на два дня едет; ей потом на работу.

– А как же насчёт переезда к нам? – напомнила Надежда и впиалась в брата взглядом. Он смущённо затоптался на месте, не зная куда спрятать глаза, суетливо пробасил:

– Это... Понимаешь... Отдельного разговора требует и специальной подготовки. Давай лампочку! – попросил он, дав тоном понять, что не так-то просто будет сделать то, о чём мечтает.

Они продолжили уборку. Надежда, воспользовавшись тем, что греет печь, накипятила воды, помыла окна, поменяла занавески и принялась за посуду. Глядя, как она натирает мельхиоровые приборы, Николай присел. Сестра поправила мыльной рукой сбившуюся чёлку и улыбнулась.

– Устал?

– Нет.

– Всё равно посиди пока. Я щас быстро закончу и пойдем в сенцах и на веранде приберём. Как там матрасы: жарятся?

– Пойду посмотрю. – Николай вышел во двор.

– Может с веранды ведра в сараюшку убрать? – нашла его криком сестра через время.

– Уберу, – ответил мужчина негромко, утверждая.

Потом они занесли выставленные на прожар матрасы, поставили один на другой в бывшей комнате Николая и накрыли покрывалом.

– Вот тут мы сегодня и ляжем, – заявил Николай, попробовав топчан на упругость, – А завтра пусть тут дети ложатся, если мы засидимся. Матрасы широкие, добротные, поперёк все впятером и лягут.

– Отуда ж впятером?

– Так, а Веркины?

– Вот ещё! – по-хозяйски воспротивилась сестра, – Неча им тута укладываться. Их дом недалёко отсюда; добегут. Мои-то уж ладно, до Калинок пешком не дойти, пусть здесь спят. А то может ещё и мы не останемся; вам ведь, поди, охота вдвоем побыть?

От житейского вопроса Кравцов сел. Что сказать не нашёлся, только хмыкнул.

«Ой, телок Коляня, – Надежда спрятала улыбку, – На мужика-то пока одними токо усами похож. Да басом. Интересно, эта его москвичка с характером или нет? Я ведь и не знаю какие девки Коляне нравятся».

Тема не отпускала:

– Коляня, а Лариса твоя как: норовистая или нет? – спросила Надежда, как бы про между прочим.

– А тебе зачем? – ссупонил Николай брови.

– Как зачем? Должна же я заранее настраиваться какую мне позицию принимать с ею, – объяснила Надежда причину своего вопроса, пыхтя при мойке полов.

Николай задумался, потом пожал плечами:

– Не знаю что тебе, Надюха, сказать. Если честно, я об этом не размышлял. Наверно, Лариса, как любая из вас, – всякая бывает. Так что, ты особо не мудри. Сориентируешься по обстановке.

– А если она мне не понравится, можно я тебе об этом обскажу? – осторожно спросила Надежда, domыв крыльцо и утирая пот рукой.

Из объяснений брата она поняла, что скорее всего у будущей золовки характер не из лёгких, и что если это так, то такую в деревню на аркане не затащишь. А это значит – прощай их с Коляней мечты на жизнь по соседству. Да и вообще, всё о чем до этого говорили – прощай.

– Обскажи-обскажи, – снисходительно буркнул Николай в ответ и пошёл в сторону туалета. – Надюха, где у нас хлорка, посыпать тут? – крикнул он издалека, выйдя оттуда.

За ненадобностью, всё прежнее содержимое отхожей ямы было из неё выкачано сразу же по весне после смерти отца и засыпано для дезинфекции хлоркой, которая, по истечении времени, впиталась в землю и требовала добавки.

– В сараюшке, – махнула Надежда, – Может вечером засыпешь, сейчас уже Иван подъехать должен, – предложила она, глянув на часы.

– Вечером нам сюда уже ходить надо будет, – отговорился Николай и поспешил в сарай за хлоркой. С Иваном договорились на шесть, чтобы успеть к семи на вокзал.

Глава вторая: Знакомство с Ларисой

Николай нервничал. Он не терпел опоздания, а тут, вопреки обычной точности, скоростной поезд почему-то задерживался. Дежурный по вокзалу, с которым Иван наскоро завязал знакомство, непонимающе поглядывал то на часы на руке, то на повешенные в зале ожидания, и пожимал плечами:

– Это же Харьковский. Он никогда не опаздывает. У него Калуга – вторая остановка после Обнинска. Даже в Апрелевке не останавливается, напрямик сюда шпарит.

Вокзальный служащий явно не мог предположить с чем связана задержка. Относительно спокойно прождав почти час, в начале второго ожидающие стали проявлять явное нетерпение. Надежда, кроме того что нервничала от предстоящей встречи, переживала за оставленных дома ребятшек. Хотя она и наказала Егору присматривать за малолетними Максимкой и Катюшей, всё-равно на душе, как у всякой матери, было беспокойно. Иван и Николай тоже переглядывались, но были томимы не столько мыслями о делах домашних, сколько подступившим чувством голода. Иван примчался в Серебрянку прямо с работы и успел перекусить на ходу только двумя пирожками, заботливо захваченными Надеждой из дома. Николай, отказавшись в пользу родственника даже от пирожка, теперь, после работы на воздухе, почувствовал как неприятно сосёт под ложечкой.

Наконец, в дальнем конце зала ожидания показался знакомый дежурный вокзала и ещё издали стал подавать встречающим обнадёживающие знаки. И почти тут же на весь вокзал по радио объявили о прибытии поезда из Москвы.

Все торопливо пошли на перрон. Поезд прибывал на первый путь и стоял в Калуге всего десять минут. На зная в каком вагоне окажется Лариса, Николай предложил ждать у входа в вокзал со стороны путей. Чтобы не разминуться, втроём они прижались к самому зданию, пропуская вперед спешащих на посадку. Поезд, звучно прогудев издалека, медленно подползал. Едва лишь он остановился, как со всех вагонов повыскакивали проводники. Ввиду того, что поезд был дальнего следования, а Калуга находилась всего в трёх часах от пункта отправления, приехавших было намного меньше, чем отъезжающих. И всё же, из-за шумной толпы, Николай не сразу заметил приближающуюся невесту.

Лариса Фёдорова была не одна. Она шла от хвоста поезда с какой-то девушкой, весело переговариваясь с ней. Николаю Лариса заметила явно раньше, чем он её и, поняв это, тут же сменила торопливую походку, какой шла от вагона, на медленный пафосный шаг. Её спутница не успев перестроиться на новый ритм, неловко наткнулась на шедшую впереди Ларису и наступила ей на босоножку. От толчка Лариса подалась вперёд и, негромко выругавшись, оглянулась с недовольным выражением:

– Осторожно, Анка! Ты мне чуть туфлю не порвала.

– Извини! Больно?

Мельком глянув на испачканную пятку и светлую перепонку из кожи, Лариса досадливо сморщилась:

– Не больно. Но не приятно. Не хватало еще, чтобы я к родственникам жениха явилась в разорванной обуви.

Фёдорова наскоро обтерла рукой и ногу и обувь, и продолжила путь.

– Прости, – вновь попросила шедшая за ней.

– Ладно, ничего. – «Обиженная» поторопилась сменить выражение лица, понимая, что теперь Николай может заметить её в любой момент.

Девушки прошли ещё несколько метров, прежде чем Лариса сумела до конца избавиться от раздражения и облачиться в радостную маску. Вся эта сцена осталась незамеченной для Николая и Ивана, по-прежнему стоявших у дверей здания вокзала. Надежда же, вопреки уго-

ворам брата не устоявшая на месте и проскользнувшая ближе к хвостовым вагонам, оказалась невольной её свидетельницей. По правде говоря, Надежда не придавала бы происшедшему никакого значения, если бы заранее не обратила внимание на спутницу Ларисы. Отыскивая в массе людей на перроне ту, что могла бы быть невестой Николая, Надежда увидела приезжую жительницу Серебрянки ещё тогда, когда та только спускалась с вагона. Они были знакомы поверхностно: девушка жила в деревне не так давно. Завидев землячку издали, Надежда почему-то обрадовалась. Ей захотелось поздороваться с приезжей и перемолвиться хоть парой словечек, ссылаясь на необычность встречи. Но случай с босоножкой настолько смутил Анну, что она прошла мимо Надежды на глядя по сторонам и не заметив последней.

Надежде же, наоборот, удалось рассмотреть лица приехавших пассажиров достаточно хорошо. Не ускользнуло от неё и недовольство в голосе незнакомки. Проводив девушек взглядом, сестра Николайка вновь принялась рассматривать перрон.

– Надюха! – вдруг позвал сзади голос мужа, – Чего ты там стоишь? Уже встретили ведь!

Приближающийся Иван махнул и, на немой вопрос жены, указал рукой на двери здания вокзала. Даже издали Надежда узнала рядом с братом только что прошедших мимо неё подруг.

– Эта? – Надежде хотелось, чтобы муж опроверг её вопрос.

– Которая повыше. Светленькая, в брючках. – Белородько суетливо потащил жену под руку. По блеску в его глазах Надежда повторно подумала, что разочарована выбором брата.

Пока Иван ходил за Надеждой, Лариса жеманно представила Николаю свою спутницу:

– Знакомься, Коля, это Анка, моя новая знакомая.

– Николай! – протянул руку Кравцов; из-за обнявшей его Ларисы здороваться было не совсем удобно.

– Анна.

Глубокий грудной голос, заставил Кравцова задержать на незнакомке взгляд, приковывая своей особой женственностью.

Развитые формы, значительно принижали Анну на фоне Ларисы, превосходящей её всего-то на несколько сантиметров. Креп-жоржетовое платье было сшито очень удачно: красные вставки подчеркивали красивую низкую грудь и крутые бедра, а черный фон выгодно оттенял светлую кожу Анны. Глубокое декольте невольно топило любой встречный взгляд. Тоненький кожаный ремешок зрительно утончал и без того неширокую девичью талию.

Рядом с броской и яркой Ларисой в салатных укороченных брючках и кружевной розовой маечке, Анна, в своем классическом платье, выглядела почти «демоде».

Лариса, едва только подскочила к Николаю, надёжно повисла на нём и продолжала держать жениха за талию даже при знакомстве.

Анна встала чуть позади от круга родственников, не вторгаясь в него.

Лариса была вся на виду, открытая в одежде, чувствах, выражениях. Она щебетала, придавая первой встрече тот независимый легкий тон, какой порой трудно найти, и смотрела на всех, как говорила: без стеснения и неловкости.

Анна мягко проговаривала каждую букву и с ответами не торопилась. В общении в ней невозможно было не заметить чувственность, сдерживаемую изначально. На роль лидера Анна заметно не претендовала, предпочитая сначала узнать о собеседнике, а уж затем рассказывать о себе. При встрече взглядом с незнакомыми, Анна мягко улыбалась и почти сразу же опускала пушистые ресницы, пряча под них смущение.

Ларисе мгновенно удалось рассказать Николаю обо всём, что произошло за три дня разлуки, заранее избавляя его от вопросов. А про задержку поезда, связанную с поломкой путей на московском вокзале, она доложила быстро и четко, а вместе с тем озорно и скомкано. Не замечая, что другие смотрят на неё молча, Лариса звенела голосом без умолку. Она явно старалась расположить к себе и привлечь побольше внимания родных жениха. Про то, что Николай – ее жених, Лариса, уже здесь, на вокзале, упомянула по меньшей мере три раза.

Она подчёркивала это слово, сопровождала его паузами с придыханием, многозначно глядела на Анну и протягивала Николаю губы, прося поцелуя. Анна отводила взгляд, а Кравцов тушевался и отвечал на просьбу отрывисто, впопыхах.

Увлечённая игрой, Лариса не могла понять неуместность своего поведения. Подобные простота и легкость, сходящие в столице, были ох как неуместны для скрытной деревни. Терпеливо слушая нескончаемое соло подруги, Анна заметила неловкие перегляды земляков. Дождавшись, пока Лариса в очередной раз повернется к Николаю, Анна кивнула нетерпеливо топтавшейся Надежде:

– Извините, пожалуйста, вы куда теперь поедете: в Калинки или в Серебрянку?

– В Калинки! – Иван даже выдохнул от того, что наконец-то нашелся хоть кто-то, способный прекратить поток болтовни, льющийся на них.

– У нас дети дома одни остались, – добавила Надежда, объясняя.

– Тогда не буду мешать вам, — Анна глянула на золотые часики на руке и наклонилась за маленьким чемоданчиком с вещами, – У меня автобус на Серебрянку через пятнадцать минут. До свидания. Приятно было познакомиться.

– А разве её деревня нам не по пути? – очнулась от паузы Лариса, посмотрев на Ивана, как на старшего.

– Не совсем. Хотя, там всего-то два километра от Калинок. Если хочешь, можешь с нами поехать. – Иван предлагал привычно по-деревенски, без официоза.

– Нет-нет, спасибо! – поспешила отказаться Анна. Отчего-то неудобно было стоять рядом с новыми знакомыми, особенно с Иваном, которого девушка заочно считала очень строгим.

– Чего это за «спасибо»? Поехали с нами, не выдумывай! Два километра ведь всего, они тебя потом подбросят до твоей деревни; правда ведь, Коля? – Лариса решила за всех и потянула жениха за локоть. Николай мыкнул и мотнул головой.

– Подбросят! – не дожидаясь окончательного согласия мужа, поспешила заверить и Надежда. Ей хотелось поскорее добраться до дому, пусть даже потом Ивану и пришлось бы делать лишние километры. Она первой двинулась с места. За ней пошли остальные.

– Ну как тебе, Вань? – еле слышно спросила Надежда, оторвавшись от молодежи на несколько метров.

– Красивая! – коротко отозвался Иван.

Надежда вздохнула:

– Да с лица-то воду не пить! В общем как? – ей хотелось, чтобы муж тоже увидел, что Николай поторопился с выбором невесты. Но Белородько повторно похвалил Ларису:

– Умеет, видать, за себя постоять!

– Так ведь масквичка! – в голосе Надежды сквозило неприкрытое презрение; опять эта столица с её издержками. Но и тут Иван не угадал настроения жены и произнёс, восторгаясь:

– Масквичка! Не отнять!

– То-та и оно, – тяжело выдохнула Надежда, словно осуждая Ларису именно за это. На ходу она подумала, что мужики все одинаковы: кидаются сначала на стройные ножки и смазливые личики.

«Что Коляня в ней нашел? – сожалела Надежда, уже сидя не переднем сидении машины, – Ноги в штанах болтаются. Плоская вся, как вытертая на стиральной доске. Рёбра торчком. Голова обесцвечена, волосы вздыблены лаком; пацан, да и только. Вон, даже макушка торчит не хуже чем у моего Ваньки, – Надежда внимательно осмотрела вечный гребешок на темечке мужа так, будто давно не видела, а затем снова принялась за приезжую, – Красивая, конечно. Но токо красота у ней какая-то... такая после сорока одним махом сотрётся. Коляня не понимает, думает она всегда стройная и молодая будет. Погоди ещё: родит, так может и вовсе оплывёт. Как моя напарница Райка. Тоже была – вилка в профиль. А после деток откуда чё пошло-полезло? Теперь одного со мной коровьего размера.»

Надежда снова вздохнула: после матери и её самой, новая женщина пришла и претендовала теперь для брата на роль первого друга. Смириться с её появлением было не так-то легко. И противостоять подобному эгоизму не могла ни одна из женщин. Он проявлялся в изначальном отторжении той другой, что стремилась отрывать мужчину от привычной до этого семейной среды. Какая из них сможет безоговорочно и безосудительно потерпеть перекраивания новой родственницей жизни близкого мужчины? Какая спокойно станет смотреть, как та командует им, привязывая к себе на том самом тонком подсознательном уровне, что так легко узнаваем? Почему? Да потому, что даже на самой первой стадии знакомства так ведёт себя любая. Действуя по абсолютно идентичной схеме. Считая одну только себя правой. И даже не догадываясь, сколько осуждений и противоречий вызывает у окружения избранника.

Надежда обо всех этих женских «защитных рефлексах» не знала, но незнание не мешало ей проявлять их теперь в самом неприкрытом виде. Вот почему, успокоившись на какое-то время, позже, она вновь принялась мысленно распекать Ларису.

«А оделась-то как! Зелень с грядки! А через дырки майчонки и лифчик виден, и даже соски, потому как и лифчик у нее весь в дырочку. И где токо такую одёжу шьют? Безобразие! Надо будет сказать Коляне, чёб попросил её такую майку не носить. В деревне на её голые соски не то чтобы мужики головы повыворачут, все кобели выть начнут. Ванька-то мой, бесстыдник, так туда глазками и шарил, и шарил... в дырочки ети. Вот беда ещё привалила! А ежели не Ванька, то Егорка точно пялиться станет. У него и так раннее развитие из-за акселерации, о которой все вокруг талдычат. Не, надо Коляне намекнуть про мальчика. Ни к чему ему стрессы с раннего детства. Пусть на деревенских девахх постепенно учится. А в моём доме совращать ребёнка дырками на лифе не надо».

Безучастная к разговорам на заднем сидении, Надежда всю дорогу провела в причитаниях. И только когда машина въехала в Калинки, отвлеклась и стала показывать достопримечательности деревни.

Если Серебрянку все считали деревней, и иначе как деревней никто назвать и на мыслил, Калинки, будучи изначально такой же мелочью, в последнее время разрослась до поселка городского типа. Теперь Калинки стала не только больше, но и современнее и Серебрянки, и Кокошкино – деревни ниже Калинок по речке.

Не без содействия опять же Ивана, председатель совхоза добился, чтобы в Калинках и клуб отстроили побольше, нежели в других деревнях, и, отдельно при клубе, был кинотеатр. Имелись здесь детсад и восьмилетняя школа, продуктовый магазин, почта. На правах населённого пункта районного масштаба, в центре Калинок совсем недавно был построен Дом быта. Там восседал районный терапевт, а скоро должен был открыться зубной кабинет. Были в Калинках свои больница, автовокзал, сберкасса... Одним словом, поясняя Ларисе где и что, Надежда гордилась, что и у них жизнь течёт не хуже, чем в городе.

На её рассказ Лариса отвечала рассеянно. Невозможно было понять нравится ей или нет.

– Ты чё такая квёлая? – заметил Николай состояние невесты.

– Я не квёлая, я уставшая. А что это ты по-деревенски заговорил? – вопрос прозвучал с упрёком.

– Так ведь я в деревне сколько лет прожил! – смутился мужчина замечанию, ставя ударение в последнем слове не там.

– Ну так, ведь ты и в городе уже сколько лет прожил! – поправила Лариса, – Успел бы и отвыкнуть.

– А что, Лариса, не нравится тебе, как деревенские говорят? – В усмешке Ивана прослушивалась обида. Развернувшись на полном ходу, он глянул на девушку.

Лариса растерянно уставилась на уши Белородько, заросшие волосами, как мхом.

– Я не про то, Иван Родионович, – девушка постаралась уважением загладить оплошность, – Я так думаю, что по-деревенски люди начинают чокать уже в возрасте. По привычке. А у таких, как у Коли: молодых, проживших в городе, это странно слышать.

– А вот и не так, смею заметить. Надюха наша, даром что молодая, по-деревенски знаешь как щебечет! – Иван подмигнул и засмеялся.

– Ох! Дивитесь на него, на городского! – толкнула Надежда мужа в бок, – Сам-то, поди, тоже можешь и чокнуть. Даром, что с умными людьми знаешься.

– О-о! Обиделась! – От резкости ответа Иван отодвинулся. Машину мотануло. На фоне их перебранки Лариса продолжала тушевать собственную неловкость:

– Все это так. Про Надежду и речи нет: она здесь постоянно живёт. А Коля-то ведь сколько лет в Москве провёл; должен был ведь уже отвыкнуть.

Николай усмехнулся в усы:

– Как видишь – не отвык.

– Во всяком случае, я от тебя до сих пор не слышала деревенского говора. – уступить девушка, похоже, не любила. Кравцов пожал плечами:

– Это потому, что мы с тобой мало знакомы.

– Неправда. Это просто пока ты здесь, ты решил по-свойски объясняться. Между прочим, меня это не коробит, – добавила Лариса, противореча себе самой, – Я только одно знаю: в Москве ты так говорить не станешь.

– А если стану? – в глазах Николая заблестел розыгрыш. Почему-то сейчас нравилось собственное бахвальство. Лариса уверенно отказалась воспринимать такую игру:

– Глупости! Анка же вот не стала, а тоже в деревне живет. Так чего бы ей не чокать? А ведь не чокает!

Затронутая темой разговора, Анна повернулась от окна. Она сидела за Иваном, Лариса – за Надеждой. Переговариваясь, подругам невольно приходилось вести беседу через Николая. Стесняясь смотреть на молодого мужчину, Анна всю дорогу старалась молчать. Но, обратив к подруге удивлённое лицо, мельком заметила теперь в глазах Николая интригующий вопрос и ответила почти безразлично:

– Я в деревне всего ничего живу, Лариса.

Анна снова отвернулась. Ей достаточно было уже того, что из-за тесноты в машине, она прижималась к ноге мужчины полуприкрытым бедром. Шёлковая ткань скользкой юбки то и дело съезжала набок, обнажая круглые колени Анны, не видеть которых Кравцов не мог. Не желая показаться любопытным или, ещё хуже, проявить интерес более обстоятельный, нежели того полагал этикет первого знакомства, Николай всё-таки всю дорогу ломал себе голову. Кто эта Анна? В последнее время столичные жители паломнически скупали в области земли для постройки загородных резиденций.

«Эта, наверно, тоже из них». – Николай, хотя и отодвигался от незнакомки, избежать прикосновений не мог. Сквозь тонкую ткань её платья он четко чувствовал форму белья. От этого было неловко: как если бы девушка сидела рядом раздетая.

Кое-как дотерпев до конца пути, Николай поспешил распрощаться, отказывая свояку проехаться до Серебрянки.

– Поезжай, Иван, сам. Быстрее дело будет, – спроводила мужа Надежда. Расцеловав по очереди ребятишек, вываливших в ожидании на улицу, она сразу успокоилась, – Мы пока на стол соберем.

Машина пыхнула и уехала.

– А она знает где ваш дом? – спохватилась Лариса, глядя машине вслед. Она вспомнила, что не дала подруге точного адреса.

– В деревне все всё знают, – успокоил Николай.

Теперь, когда Анна уехала, Кравцов понял, что будет рад завтра вновь увидеть её.

Глава третья: Подготовка к вечеру

Как не пытался Иван Белородько придать предстоящему семейному торжеству как можно менее огласки, весть о возвращении Николая в дом с будущей молодой женой мигом облетела всю деревню и поимела соответствующий резонанс. На следующий, после приезда Ларисы, день не успела Надежда зайти в поселковый магазин, как навстречу ей кинулась Савельевна, одна из вечных окружных сплетниц. Мало кто из жителей деревни, даже старожилов, помнил настоящее имя этой старухи. Оно, забытое в послевоенные годы, когда, молодая тогда ещё женщина, потеряв на фронте всех близких и сама побывав в плену, вернулась в родную деревню и стала заново непросто налаживать одинокую жизнь, так уже и не было найдено. Согобленная горем и одиночеством, первое время жила Савельевна отчуждённо, была не особо приветлива. До тех пор, пока не приглянулась калеке-бобылю из соседней деревни.

Они сошлись, отпаивая этим союзом свои раны: душевные и физические. И тогда Савельевна расцвела и раскрылась во всей своей бабьей красе. Была она по натуре общительной и на разговоры охочая. А кроме того память имела такую, что любой бы позавидовал. Вот за память и за умение ладить с людьми и попала однажды на пост секретаря совхозного Правления. Машинописи обучилась наскоро, а грамотой Савельевна и до того владела, отчего на своем месте казалась вечной и незаменимой. По долгу службы и по зову сердца шли к Савельевне односельчане, а она всем старалась угодить. Всем была бы хороша деревенская секретарша, если бы не её длиннющий язык. Привыкнув на работе знать всё про всех и нередко первой доводить до сельчан новости, принятые в районе, уйдя на пенсию Савельевна не только не отвыкла от прежней роли. Словно скучая, бабка превратилась в настоящее деревенское справочное бюро. Она знала всё и про всех и, как и прежде, в беседе не отказывала никому. Если нужно было спросить кто из трактористов накануне посева не спал до рассвета, прогуливаясь по весеннему теплу с девчатами, или же у какой коровы приключилась животинная болезнь, чтобы не опростоволоситься с закупкой молока, непременно шли к Савельевне. Она была в курсе дела одной из первых. Люди злились на неё за болтливость, но, как в любой деревне, в любом сложившемся за долгие годы коллективе, без таких, как Савельевна обходиться не могли и жизнь свою не представляли. Виновники очередных проделок, выставленные на свет осведомлённостью бабки, не раз вслух грозились оторвать ей язык. Но потом отходили и сами же в следующий раз бежали к старухе за информацией. В-целом, её любили и даже уважали, так как об источниках своего уведомления Савельевна никому не докладывала, отговаривалась тем, что знает, и всё.

Увидев в магазине любопытную старуху, Надежда вздохнула: редко кому в деревне удавалось скрыть что-либо от въедливой Савельевны.

– Слава богу, Надюха, Коляня домой вернулся после стольких-то годов мытарства! – заметив Надежду пробасила бабка на весь магазин своим низким тугим голосом.

– При чем тут бог, Савельевна? – осадил Надежда, сразу же поняв, что и в Калининках, и в Серебрянке, где жила Савельевна, а то может уже и в Кокошкино, про приезд брата знают.

– Эх, жаль что родетели-то его не дождались! – пропела бабка душеспитательным голосом, не отвечая на вопрос, и даже успела поднести к глазам край косынки, приспущенной с головы на плечи.

– Хорош голосить! Не на погосте, – резко успокоила Надежда её страдания, – Коляня в гости приехал. Ни о каком возвращении речь не идет. У него ведь работа в городе.

Вставая в очередь, Надежда пояснила это немногочисленным покупателям магазина и уткнулась в записную книжицу.

Зорко глянув на купленные четыре бутылки водки, Савельевна, на время отошедшая, вновь пустилась в разведку:

– А что, Надюха, правда ль, нет, что сёдни вы свадьбу Коляни празднуете?

– Нет. – Надежда отмахнулась от надоедливой старухи, аккуратно засовывая бутылки в полиэтиленовый пакет, а пакет ставя в сетку.

Но старуха не унималась:

– А кака девчина-то, говорят, красивая у него. Неужто с самой Москвы подхватил?

Надежда, догружая сетку другими продуктами, съязвила:

– Подхватить, Савельевна, можно токо лишай или ветрянку.

Селяне в магазине дружно захохотали.

Савельевна, тоже посмеявшись, всё-таки не отвязалась:

– А ну да, ну да... Но токо чего же ты, Надежда, молчишь? Неужто, говорю, с самой Москвы Коляня наш деваху привез?

– С самой, – ответила Надежда в тон Савельевне, ставя ударение на второй слог, и поторопилась расплатиться.

– О как! – произнесла Савельевна со значением, подняв палец к небу, – А чё ж, тоды, вы её никому не показываєте, коли с самой Москвы?

– А чё она: зверь в зоопарке или кобыла продажная, чёб её по деревне под уздцы водить? – Уже отходя к двери Надежда вызвала у присутствующих очередную волну смеха. Понимая, что вот-вот останется ни с чем, Савельевна совсем обнаглела:

– Надюх, а можно я вечером зайду к вам её поглядеть?

– А это ты, Савельевна, у моего мужа наперёд попытай, – посоветовала Надежда и вышла из магазина, усмехнувшись разочарованному вою бабки. Она прекрасно знала, что спрашивать у Белородько такое не решится никто.

Рассказав про случай в магазине мужу по телефону, Надежда попросила его перед обедом заехать за молодыми в Серебрянку и привезти их в дом на машине. На вторую половину дня Иван с работы отпросился. В начале августа, пока на полях стоял относительный перерыв: яровая пшеница еще не созрела, а поля, пущенные под чистые пары, уже перекопали и удобрили, Иван мог позволить себе подобный отгул в полдня. Он знал, что через неделю другую начнется жатва, за ней сенокос, а там уже вскоре и озимые пойдут под посев. Вот тогда до самой матушки-зимы не будет у него ни одной свободной минутки ни для себя, ни для семьи. Теперь же приезд Николая пришёлся как нельзя кстати и стал поводом для короткого отгула. Оттого радостный, Иван пошутил:

– Ты, Надюха, чего их пасешь? Молодые – они и есть молодые. Пусть бы и пешком по нашим дорогам прошлись бы. Ничё бы им, поди, не сделалось.

– Да-да, ты надоумишь, – Надежда перешла на фальцет, – Кады пешком пойдут, так к им точно деревенский бабсовет во главе с Савельевной липнуть станет да дурацкие вопросы задавать. Срамоты потом за нашу простоту не оберёшься, – изложила Надежда свои доводы. Говорила она это тоном, не терпящим возражений, ибо, при всей простоте, могла, когда того требовалось, крепко закрутить гайки любому. Опыт жизни с главным агрономом района и положение одной из первых дам поселка даже обязывали к этому.

Не желая дальше спорить, Иван пообещал исполнить просьбу жены, но тут же добавил.

– Я только не понимаю, чего и вправду Ларису прятать. Боишься, что сглазят?

– Тю ты! Нашёл что придумать.

Вдаваться в подробности Надежда не стала. Отчего-то ей заранее было неловко перед деревенскими за выбор Николая.

«Нашим бабам только попади на язык, вмиг невинного ославят», – решила Надежда. Подсознательно она не причисляла Ларису к святым и ещё оттого опасалась за её публичные смотрины. Надежда знала, как злословили деревенские бабы по поводу вчерашней спутницы Ларисы – Анны. И хотя за те два года, что Анна жила в деревне, ни с кем из деревенских или

даже окружных мужиков она не прославилась, её, всё едино, недолюбливали и при появлении на улице косились на неё и сплетничали.

«Когда наши бабы узнают, что Лариса и Анна знакомы, то точно рядом поставят».

Непонятно почему Надежда волновалась. К тому же, после высказанной вчера брату просьбы насчёт одеяния гостя, Надежда боялась как бы Лариса, на зло ей, не вырядилась и того похлеще.

К её радости Лариса в этот день явилась в их дом в длинных, закрывающих бедро, джинсовых шортах и простой трикотажной майке безо всяких дырочек. Пообедав, она охотно принялась за помощь к ужину и оказалась на кухне не чуждой работы. Надежда, беспрестанно выбегавшая то во двор за яйцами, то в огород за зеленью, то на улицу присмотреть за ребятишками, непрерывно давала Ларисе одно за другим поручения, с которыми та успешно справлялась. Она практически одна накромила огромный таз нарезки для окрошки. Потом, вместе, они разделявали кур, готовя их к жарке на сковороде, фаршировали чесноком и ставили под маринад баранью тушку для запекания на вертеле; мыли зелень и овощи и складывали их в большой эмалированный таз.

Николай и Иван всё это время копошились в сарае, налаживая перегородку для телёнка.

– Здоровый он уже вымахал. Того и гляди на мать полезет, – объяснял Иван по поводу теленка, одновременно прикручивая к стене крепёжные петли для навесной двери. Его руки, переплетённые мышцами, как жгутами, ловко подхватывали нужные инструменты.

– Ну и пушай лезет, тебе что жалко? – пыхтел в это время Николай под тяжестью толстых деревянных бревен, которые предстояло вкопать в пол.

– Не жалко. Но пока рано ещё ему, – рассудительно пояснил Иван, утираясь от пота, – Да и корове от отёла отгуляться надо. Раньше осени нельзя. И потом, этот молокосос ей не пара. У ней свой бык есть, семенной! Знаешь какой бычара! О-го-го! – Иван восхищенно протянул и тут же продемонстрировал рукой ту часть бычьей мощи, что приводила его в изумление.

Николай усмехнулся:

– Понятно. Сыпь уж давай землю-то, – попросил он, поддерживая бревно, вставленное в заранее выкопанную яму.

Иван быстро засыпал яму землей, и вдвоём они притоптали её вокруг. Затем, попробовав работу на прочность, принялись за установку второго бревна. Установив и засыпав и это, Иван предложил:

– Слышь, братка, давай, что ли по маленькой начнем? – он щёлкнул пальцем по горлу.

– Так ещё же доски к бревнам приколачивать. И дверь навешивать, – засомневался Николай. Иван отмахнулся:

– Брось! Это я уже и сам потом сделаю. В кои-то веки ты приезжаешь да ещё не просто так, а по поводу. Давай начнем!

Поняв, что это скорее просьба, Николай согласно махнул.

– Только по чуть-чуть, чтоб до вечера не расклеиться. А то по такой жаре шарaban мигом поплывет.

– А я кваску холодного из подпола захвачу, – засуетился Иван и выскочил из сарая. Из дома он вернулся в полном вооружении: при бутылке водки, двух стаканах, булке мягкого деревенского хлеба и кувшинчике кваса.

– Ты как это, Иван, умудрился мимо Надюхи проскользнуть со всей этой артиллерией? – подивился Николая, хорошо знакомый с бдительностью сестры на счёт выпивки.

– Прям, скажешь тоже, «умудрился». У нашего «КПП» и муха по плацу не проползёт незамеченной. По другому бы разу, не миновать мне трёпки. Но нонче – дело другое. Нонче она из-за тебя раздобрилась. Тоже радая, что братан приехал.

Глядя на довольное лицо родственника, Николай засмеялся. Странно было слышать такое от Ивана да ещё о собственной сестре, которую сам он всегда считал мягкой и покладистой.

– Что, гоняет тут тебя Надюха, Иван?

– погоди! Сам женишься – поймешь что такое баба, – Иван машинально взъерошил неизменно вздыбленную макушку коротких жёстких волос.

– Пошли тогда, что ли, наружу, раз начальство добро дало на разгул? А то тут больно дух тяжкий. – На душе Кравцова было невероятно покойно. Настолько, что где-то внутри даже защемило.

– Да? – оглянулся Иван на его слова, не замечая запаха скотины, провонявшего сарай насквозь. Но тут же согласился, – Пошли!

Они вышли во двор и сели под навесной шиферной крышей с обратной стороны сарая. Здесь обычно хранилось зимой сено. Теперь же, когда скотина была полностью на выгонных кормах, а сено ещё не накосили, площадка под навесом стояла пустой и чисто подметённой. Не найдя ничего, на что можно было бы поставить еду, Иван оттянул из-под стены вдоль всего навеса тяжёлый брезент, которым укрывали сено, и плюхнулся прямо на него.

– Садись, сродственник, выпьем, наконец, за целый день! – хлопнул Иван по брезенту рядом с собой, – А то утром нельзя – на работу надо, в обед нельзя опять из-за неё. Кода ж тода жить?

– Вот сейчас и начнем.

Николай согласно взял в руку стакан. По деревенским обычаям с питьем водки тут не церемонились: разливали не рюмками, как в городе, а сразу по стаканам, наполняя их до половины. Опрокинув залпом настывшую водку и запив её студёным квасом, Кравцов с пристомом благоговейно пропел.

– Ох, как пошла-то, ра-ди-ма-ая!

– А то! На-ка вот тебе хлебушка, заешь!

Иван протянул большой кусок мягкого белого хлеба. Взяв его, Кравцов уткнулся носом и вновь почувствовал, как по всему телу пробежала дрожь от особого счастья.

– Как пахнет, Ваня! – задохнулся он душистым ароматом, – Сколь не жил в Москве, ни разу такого хлеба не едал.

– Скажешь тоже – в Ма-аскве! – почти обиженно скорчился Иван, – Кто тебе в Ма-аскве тваей даст печь хлеб из стопроцентной пшеницы!

– А разве белый хлеб из муки высшего качества не на сто процентов из пшеницы? – Кравцов повернул голову к свояку, при этом не отнимая хлеб от носа.

– Эх, Коляня, в деревне вырос, на земле, а на деле ничего про неё не знаешь. Ведь любая пшеничная мука для выпечки имеет добавки, – о хлебе Иван заговорил увлечённо, со значением, – Только в высший сорт поменьше кукурузы, ячменя и патоки кладут, в другие – поболее. Да ещё дрожжей тебе понапишают, чтобы хлеб поднялся, да солодом задобряют для весу.

– А у вас что, не так что? – удивился Николай, опять нюхая мякиш.

– У нас и элеватор свой в Калинках, и мукомольный комбинат тут же. Вот потому мы и можем себе позволить лучшую мучицу; для себя же. И себе на помол не отвозим зерно ни запревшее, ни засохшее, а только цельное.

– А государству, значит, и запревшее шлёте?

Кравцов, блаженно жуя, продолжал спрашивать добродушно, без обвинения.

– Шлём, – сморщился Белородько, – Не выбрасывать же! Сколь трудов положим на сбор урожая, чё ж, выкидывать? Не! Отсеём, проветрим или, наоборот, увлажним его и, вперед, на мельницу.

– И не стыдно?

– За что? – Иван даже припустил руку с бутылкой, из которой принялся наливать по второй. Лоб его при этом нахмурился, отчего лицо ещё больше расширилось и укоротилось, а брови и глаза встали уголком.

– Сами, значит, лучший хлеб лопаете, а в город, в Москву, какой получится?

Тон, каким говорил Николай, был по-прежнему миролюбивым. Заметив это, Белородько сбросил напряжение.

– Токо дурак, Коляня, себя обидит. А умный – он при добре останется. Да и стыдиться нам особо-то нечего: не гнойное всё же зерно шлём. Контроль-то ведё-ё-м! А то, что потом хлеб у вас не такой как у нас, так это ты, братка, звиняй. Но, с другой стороны, у нас здесь и жисть не ваша, не столичная. Вы там себя другим балуете.

– Чем же?

– Цирками, театрами, выставками. Скажешь нет?

– Скажу да.

– Это же вы, городские, придумали, что «не хлебом единым жив человек». Так это для вас токо и годится. А для нас тут одним токо хлебом он и жив. В ём, в хлебушке, весь наш смысл. Кабы не было у нас хлеба, какая бы забота у нас была? Чё молчишь? Отвечай!

– Да почём я знаю! Хлебом, так хлебом; я что против что ли? Наливай! – он подставил Ивану стакан.

Получив привычную команду, Иван исполнил её с радостью и незамедлительно и, уже после того как они выпили по второму заходу, добавил:

– Ты, Коляня, не серчай на деревенских за хлеб. Нам и впрямь он – единая радость. Да и, по правде сказать, рази кто из ваших городских знат какой он вкус у настоящего-то хлеба, дома-ашнего? О! Сызнова молчишь. Знать, не знашь, что ответить.

– Не знаю. Я вроде в детстве только домашний хлеб и ел: мамка-то раньше сама пекла. А вот в городе пожил и забыл и какой у него настоящий вкус, и как он замечательно пахнет, – вновь утыкаясь в хлебный мякиш покаялся Николай.

Водка, заедаемая одним лишь хлебом, стала пробирать.

– Знать пропащий ты человек, братка, раз вкус домашнего хлеба забыл, – прицепился к этому раскаянию Иван, тоже охмелевший, несмотря на привычку пить помногу, – А мы вот здесь, чтобы не забыть и нашим детям забыть не дать, традиции отцов сохраняем. Хлеб печём «на живую», как деды пекли. Чтобы Русь-то не вымерла, чтобы не пропала.

– А это как «на живую»? – переспросил Николай с опозданием.

– Как? А вот так: пекарня у нас в Калининках – всему району на зависть! Заметь, не просто пекарня, не какая-то там электрическая, а настоящая, с дровяной печью.

– Почему так?

– Как почему?

– Чё же вы не механизировали производство, живёте по старинке?

– А кто тебе сказал, Коляня, что эта самая механизация везде хороша? – заколотился Иван и даже подался от стенки вперед. В споре он всегда был шубутным и старался никому не уступить. Впрочем, Кравцов отвечал ему без малейшего желания противоречить, просто для поддержания разговора. Расслабившись полностью, он принялся слушать, как Белородько стал забрасывать его доводами.

– Если я был первым за то, чтобы в наш коровник электродоилки поставили, а на молкомбинат электросепаратор, чтобы таким, как наша Надюха, подсобее было, так это не значит, что я везде на технику согласный. Нет, мила-ай! Для хлебушка никакая электрическая печка не годится. Не заменит она дровки-то!

– Ладно, Иван, это ты уже привередничаешь, гурмана из себя строишь, – опять же миролюбиво поддел зятя Николай.

– Чего? – захорохорился тот не в шутку, – Я выпендриваюсь? А ну ещё раз нюхни наш хлеб. Нюхни-нюхни! – подсунул он под нос Николая оставшуюся краюху, – Чем пахнет?

– Хлебом, дрожжами, – рассеянно ответил Кравцов, внюхиваясь. Он никак не мог определить, чем же в действительности пахнет хлеб, что придаёт ему такой своеобразный, неповторимо родной запах.

– Ещё чем? – почти сердито настаивал Иван.

– Да почему я знаю! – взмолился Николай, – Не чую больше: землёй пахнет, теплом.

– Я погляжу, ты там в своей столице не только вкус, но и нюх потерял: «землёй, теплом», – без злобы, а скорее как-то разочарованно передразнил Белородько, – Рази ты не чуешь, как костром пахнет этот хлеб, дымом от сгорающего дерева, смолкой деревянной. Не чуешь?

Услышав про дым, Николай притянул в очередной раз к носу краюху и тут же согласно закивал, потому, что словно задохнулся: хлеб действительно пах костром. Это был тот самый, еле уловимый до этого запах горевшего дерева, каким всегда пропитывался у матери поджаренный в печке хлеб. И вмиг Николая заново пронзила горькая, тяготящая мысль. Как мог он раньше не знать, не понять или не догадаться, что его дом именно здесь, с ними, родными, а не в далекой Москве. Что только здесь он свой, только тут всё настоящее: от хлеба до мыслей. Расчувствовавшийся от осознания жизненной правды, Кравцов застонал:

– Как больно, Иван, как больно и обидно, что так долго я до всего доходил.

Он и не подумал, что перекинувшись с разговора о хлебе на мысли о доме, он поменял тему и может быть не понятым.

– На! – тут же протянул ему Иван спасение, плещущееся в стакане, – Давай выпьем за людскую память.

– Нет. Я хочу за батьку с мамкой. Ты уж прости, Иван.

Белородько согласно кивнул:

– Чего уж там, конечно! За родителей не выпить – грех, – он живо опрокинул водку в рот, отщипнул из рук Николая хлеба и, жуя, посоветовал, – Знать пора тебе, Коляня, и вправду на землю возвращаться. А то ты там в Москве своей совсем испаскудишься; не только про хлеб забудешь. Только человек земли предать её, матушку, не может. А все эти правители-управители, поскаунчики марионетки, токо и талдычут про Родину, а сами и запаха ёйного не нюхали, не стояли на ёй босыми ногами. Чё ж им тогда голосить про патриотизм, про хозяйина на земле. Какие они, к такой-то матери, хозяева? Так – пожиратели. Оттого и сами все напыщенные, с добавками всякими, как сама мучица из которой хлеб пекут. Во где корень зла, Коляня! Кабы ели все токо настоящий хлеб, тоды и дорожили бы Родиной и боялись бы на земле гадить, – с трудом довел Иван мысль до конца и сам удивился высказанной мудрости.

Но тут же посмотрел на Николая с недоверием, мол, откуда бы это наваяло ему подобное. Как обычно, на хмельную голову все разговоры становились смелее, обширнее, выходили за пределы стола, принимали размах государственный. И всё же, даже для пьяного, сказанная Иваном мысль была слишком дерзка и неоправданно смелая. Высказав накипевшую боль, теперь Иван смотрел на родственника протяжно, пытаясь прочесть в его глазах насколько тот понял то, что услышал. И, если понял, то насколько ему можно доверять подобные мысли. Несмотря на то, что мужчины были уже много лет в родстве, ни разу до этого им не приходилось вот так откровенно беседовать о столь запретных делах. Проговорившись по пьянке, теперь Иван испуганно искал в глазах Николая поддержку своим мыслям или хотя бы уверение в их неразглашении. Никакая Перестройка с её гласностью и верой в демократию не могли вот так запросто унять в мужике животинный страх столь еще недалеких лет депрессий и запретов; страх, запечатленный на хромосомном уровне, и переданный по наследству.

Поняв это, Кравцов в подтверждение кивнул:

– Много дерьма на земле нашей, Ваня. И, к сожалению, нескоро ещё от него очистимся мы. В Москве слухи ходят всякие, страшные. О конце Союза. О скором развале страны.

– Не надо об этом, Коля, – благодарно притронулся Иван к руке шурина. По всему его виду было ясно, что после услышанных слов у него отлегло от сердца.

– Давай тогда ещё по одной выпьем и все, – добавил Николай, словно ещё раз подтверждая, что он свой.

– Давай! И, правда, пойдем уже. Надюха просила до вечера не «наедаться». У тебя же вечером сёдня гости в доме, Коляня! Надо в огороде ещё семизубки надёргать. Надька просила для салата, – уже совсем легко свел Белородько разговор на пустяк.

Они прошли в огород. Здесь ровными рядами были разбиты грядки под морковь, лук, редьку, зелень. Чуть подалее единым полотном бурела картошка, местами уже кое-где повывезавшая клубнями из-за спелости. Совсем далеко, у забора, отгораживающего огород от уходящего вдаль пустыря, вился горох, наполовину общипанный детьми, наполовину брошенный так. Сбирать его никто не хотел, не для того сажали, чтобы на этом дожидаться урожая, а для баловства – поест в охотку свежего прямо со стебля. Никем не прополотый, горох рос вперемежку с вьюном, тут же цветущим на кольях мелкими розовато-фиолетовыми граммофончиками. Кравцов, заметив горох издавлек, не удержался и пошёл полакомиться. Их всех первых огородных овощей он любил больше всего именно молодой горох. Правда теперь стручки, большей своей частью, были уже достаточно зрелыми и из-за жары пожухшими, но Николай знал, что стоит только залезть поглубже в стебель и вывернуть его, как в середине обнаружатся те самые дозревающие стручочки, в которых можно найти молочный плод. Так оно и было. Сорвав с десяток молодых стручков, Кравцов принялся разрезать ногтем их мягкую, почти атласную кожицу и вылуцживать на ладонь светло-зелёные прозрачные горошинки. И только освободив от плодов последний стручок и набрав горку, бросил тогда её в рот и зажмурился от разошедшейся по всему нёбу сладости.

Глядя на эту забаву, Иван подумал: «Совсем ещё пацан ведь наш Коляня. Недаром вчера весь вечер с Егоркой и Максимкой боролся; недалёко от них ушел.»

Несмотря на разницу с шурином в шесть лет, себя Иван считал намного старше и умудрённее. Наклоняясь к грядке с луком, он, вспомнив вдруг прошлый разговор, усмехнулся и крякнул:

– Вот ты говоришь, Коляня, механизация, цивилизация, прогресс. Я всё это понимаю: с одной стороны, ты – столичный теперь житель, с другой, я и сам тоже здесь на хозяйстве поставлен для того, чтоб людям жизнь облегчать. Но токо, знаешь, как сами-то деревенские туго на прогресс реагируют? О! Не знаешь. А я тебе скажу. Когда прогресс касается дискотеки или там машины, чтоб в город съездить – они вроде как за него. Опять же, вон у вас в деревне на реке Дом отдыха построили: там и парикмахер есть и даже маникюрша. Здесь опять наши бабы зараз согласные. Да-да, согласные, не сомневайся, – поспешил он заверить, заметив удивлённый взгляд Николая, – Даже Надька наша и то один раз ходила. Ей, думаешь, этот маникюр нужен? Да ни хрена! А все одно: раз прогресс, то и она вместе со всеми за кудрями и крашенными ногтями понеслась.

– Надька? – все-таки не поверил Николай.

– Я не про то, – кивнул Иван и продолжил сразу, чтобы не сбиться с мысли, – Я не против того, чтобы она туда ходила. Мне, конечно, на её красные ногти смотреть – глазам больно, как шкуру содрали, но это – лишь бы ей нравилось. Я тебе про то говорю, что народ наш, и особенно бабы, прогресс-то по-своему понимают. Попробовал было наш председатель про телефоны в каждом доме заговорить; пока ведь только у десятка они есть. И что думаешь?

– Что? – Николай жевал горох.

– Остальные не хотят их иметь, не хотят даже за них такую малость, как три рубля в месяц, отдавать. И то правда, нашим мужикам трёшку лучше пропить.

– Стой, но ведь это каменный век без телефона. Ладно мужики, им трепаться не пристало. Ну, а женщины-то что ж? Неужели не понимают, насколько это удобно?

Николай подошел к грядке с луком и теперь лениво смотрел на выпраставшуюся из-под майки голую, такую же жилистую как конечности, спину Ивана.

– Ой, Коляня, темнота ты и ничего в деревенской жизни не смыслишь, – не разгибаясь ответил тот, – Наши тётки, такие как Савельевна, помнишь её?, ради того чтобы где-нибудь на улице постоять да потрепаться, полдеревни рады оббежать. Зачем им телефон? Скука! В него ни поголосить, так, чтобы слышали все, ни пожалиться, чтобы весь мир о твоей беде вмиг знал.

– А если случай какой и надо милицию или скорую вызвать?

– Туда дорогу и без телефонов все знают, дожидаться помощи не будут.

– А если что посерьёзнее?

– Тогда все одно к Лукичу бегут.

«Лукичом» в деревне звали председателя совхоза Рогожина Петра Лукича.

– Ясно, – как-то рассеянно ответил Николай, принимая из рук Ивана очередной пучок зеленого лука-перо. Задумавшись, он по привычке принялся жевать правый ус. С приездом в родную деревню жизнь обернулась для Кравцова каким-то новым, до этого плохо распознанным углом, несущим пока только благодать и удовлетворение.

– Может часок похрапим? – неуверенно спросил он у Ивана, ушедшего, наконец, с грядки.

– Согласен целиком и полностью, – пьяно и весело крикнул Иван, и они пошли в дом.

Глава четвёртая: Смотрины

Родительская изба Кравцовых была полна народу. Приглашенные взрослые размашисто гуляли за обильно накрытым столом. Во главе, как тому и предполагал случай, сидел Николай. По его левую руку села Лариса. Далее примостился Иван. Тут же за ним плюхнулась на лавку Верка Латыпова. Зная игривые способности мужика в застолье, Надежда, ещё в самом начале вечеринки, заговорщически косанула подружке глазами на мужа и на приезжую. Сама Надежда, отказавшись от выпивки чтобы суетиться по хозяйству, то и дело сновала из сеней на веранду да от стола к разведенному во дворе огню. Там на вертеле жарилась баранья тушка. Подкладывая на блюда пищу или убирая освобождённую посуду, Надежда не могла держать Ивана в поле зрения. Верка, с первого же взгляда понявшая подругу, охотливо взяла на себя роль блюстителя семьи Белородько.

Долговязая и неприлично худая, Латыпова ела и пила с поразительным аппетитом. Разгул не мешал ей зорко следить за Иваном, и, чуть Верка замечала допущенную дерзость или сказанную неловкость, она тут же толкала Белородько в бок. Иван, надёжно засевавший, поспешно отпихивался от бдений подружки жены, не поворачивая головы в её сторону. Фронт слева был для Белородько скучен: рядом с Веркой примостилась на краю лавки тётка Настасья. А с другого торца стола стоял табурет, на который то и дело коротко присаживалась Надежда. Три бабы, молодые и пожилая, вели меж собой скучные, с точки зрения разгулявшегося мужика, темы о детях, хозяйстве и здоровье. Гораздо приятнее было обращаться с разговором к сидящим напротив молодым Мишке Зуеву и Володьке Окуньку. Оба холостые и оттого дерзкие, они насилу усадили меж себя Анну и теперь, то и дело, петушились, заигрывая с ней.

Анна смотрела на их ухищрения пассивно, неохотно отвечая на глупые пьяные вопросы и высвобождаясь, по мере надобности, от наваливающихся тел. Подбадриваемая взглядами и словами Ларисы, Анна все-таки была за столом самой молчаливой, если не считать и вовсе тихого по натуре Фёдора Латыпова – Веркиного мужа. Тот на любой вечеринке неслышным был, пока не заводили песню, и только сидел и трясуче хихикал на застольные шутки. Зато когда дело доходило до музыки, Фёдор был первым запевалой. Помимо того, что бог одарил неказистого Латыпова недюженной до запевов глоткой, никто лучше и чище него не выводил песенные мелодии, никто не знал песен больше.

Но сегодня до песен ещё дело не дошло, почему Фёдор оставался пока незамеченным и невостребованным. Сидя первым на краю лавки рядом с Надеждой, он мелко шурился на каждую из прибауток Ивана, имевшего их в запасе неисчислимое множество на любой случай. Вот и теперь, глядя на безуспешные ухаживания двух кавалеров, Белородько нет-нет, да и отпускал по этому поводу какую-нибудь зацепу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.